

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы

Г. Д. Иванова

ПИСАТЕЛИ
И УЧЕНЫЕ
ВОСТОКА

МОРИ ОГАЙ

Москва 1982

8И
И20

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Редакционная коллегия

А. С. Герасимова (секретарь), *Г. Ф. Гирс*,
Л. Ф. Керцелли, *Е. А. Лебедев*, *А. Д. Литман*,
Ю. М. Нагибин, *Н. И. Никулин*, *Б. А. Розенфельд*,
В. И. Семанов, *В. Ф. Сорокин*, *Э. Н. Темкин*,
Н. Т. Федоренко, *В. В. Цыбульский*,
Е. П. Чельшев (председатель), *П. М. Шаститко*,
Л. З. Эйтли

Ответственный редактор

В. Н. ГОРЕГЛЯД

Книга посвящена жизни и творчеству одного из крупнейших японских писателей нового времени Мори Огай (1862—1922). Прозаик и драматург, критик и переводчик, Мори Огай находился в гуще интеллектуальных и художественных интересов своего времени. Его творческий путь прослеживается в книге на широком социальном фоне эпохи. Значительное внимание уделено анализу исторических повестей, в которых показаны японские национальные традиции, в особенности нравы военно-феодалного сословия (самураев). Прилагаются переводы нескольких избранных повестей и рассказов.

И $\frac{4603020000-042}{013(02)-82}$ 184-81.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

В настоящую серию входят очерки о выдающихся поэтах, писателях и мыслителях Востока различных исторических эпох. Авторы книг рассказывают об их творчестве, жизни и деятельности, об их роли в развитии своих национальных культур, об их вкладе в мировую литературу и науку.

Вопросы литературного и научного творчества писателей и ученых восточного мира раскрываются на широком историческом фоне своего времени. Главное внимание при этом уделено показу достижений культуры и науки соответствующих стран и народов.

В ы ш л и:

- В. Г. Эрман*. Калидаса (1976).
В. А. Бейлис. Воле Шойинка (1977).
В. В. Малявин. Жуань Цзи (1978).
С. П. Каргузов. Алекс Ла Гума (1978).
Б. Я. Шидфар. Абу Нувас (1978).
Е. П. Чельшев. Сурьякант Трипатхи Нирала (1978).
П. А. Гринцер. Бхаса (1979).
А. Н. Сенкевич. Хариванш Рай Баччан (1979).
С. Д. Серебряный. Вндьяпати (1980).
В. Н. Кирпиченко. Юсуф Идрис (1980).
Л. Е. Бежин. Се Линъюнь (1980).

*Масштаб дарования, оценки японской
и зарубежной критики*

Незаурядность личности Мори Огай (1862—1922) с течением времени становится все более отчетливой. Теперь уже совершенно ясно, что он был одной из самых крупных фигур в новой японской литературе наряду с Нацумэ Сосэки и, быть может, с Акутагава Рюноскэ, выступившим несколько позднее.

Прозаик и переводчик, критик и драматург, он находился в гуще интеллектуальных и художественных интересов своего времени. Между тем литература, строго говоря, не являлась его профессией. Он получил медицинское образование и почти до конца дней работал в области здравоохранения. Свое подлинное призвание он обрел, однако, на писательском поприще. Подобно Чехову или Вересаеву в России, подобно Лу Синю в Китае, он вошел в историю культуры своей страны не как врач, но прежде всего как писатель.

Человек широких интересов, Огай выступал как реформатор в различных сферах социальной и культурной жизни — от градостроительства и водоснабжения до реформы письменности, стихосложения, модернизации театра и даже живописи. Избрав для себя в качестве прямой специальности санитарную и гигиену, он долгие годы возглавлял санитарную службу японской армии.

Кругозор просветителя, масштабного организатора счастливо сочетался в нем с художественной одаренностью. Обращался ли он к современности или писал об отдаленных временах — воссоздавалась полнокровная картина материально-вещного облика эпохи, воззрений и чувствований реальных, живых мужчин и женщин. Логика ученого и образное мировосприятие поэта спо-

собствовали созданию значительных и ярких произведений.

Положение «непрофессионального» писателя словно избавило Огай от штампов, он писал с отвагой и страстью дилетанта. Талант дополнялся широкой образованностью: в его творчестве соединялись Восток и Запад — японская и греческая мифология, философия буддизма и Шопенгауэра, поэзия Басё и Р. М. Рильке. Не эклектически смешались, а слились воедино, переплавленные в горниле его гения. Он впитал в себя культуру разных народов, и уже одно это делало его на голову выше большинства соотечественников, тогда еще очень ограниченных национальными рамками, и, естественно, ставило в позицию Учителя.

За многогранность один из биографов сравнивал его со стовратыми Фивами: «войдешь в одни ворота, не заметишь остальные девяносто девять». Непростую задачу проникновения в идейно-художественный мир писателя Киносита Мокутаро уподоблял штурму Верденской крепости.

Известный современный писатель и критик Накано Сигэхару сказал о нем так: «Как ни смотри — с близкого расстояния или издали, с запада или с востока, — жизнь Огай подобна высокой горе. Остальные люди почти все, независимо от того, осознают они это или нет, пребывают у ее подножия». К такой высокой оценке Накано пришел не сразу, она выстрадана им. Итогом многолетнего изучения явились его слова: «Я убежден, что Огай — писатель по большому счету истории».

Эпоха, в которую жил Мори Огай, наполнена драматическими событиями. Он родился в последние годы военно-феодального режима, когда лучшие умы Японии искали выхода из искусственной изоляции страны, преодолевали силу феодальных пережитков. Замкнутая в себе, отсталая Япония превращалась в одну из крупнейших держав империалистического мира на глазах Огай. Историческими вехами на этом пути были война 1894—1895 гг. с Китаем, участие японских войск в подавлении антиимпериалистического восстания ихэтуаней 1899—1900 гг., русско-японская война 1904—1905 гг.

Волей судьбы самому Огай пришлось участвовать в двух войнах — с Китаем и с Россией, быть очевидцем присоединения колоний в результате первой мировой

войны. Он пережил и радужные надежды в годы молодости буржуазной Японии, успел почувствовать и разочарование, увидеть признаки застоя ее политики и культуры. Умер он в тот год, когда в результате многотрудного пути только-только оформилась японская коммунистическая партия.

«Успехи» японского государства вызывали в душе Мори Огай сложные чувства. Как человек, занимавший немалый пост в системе этого государства, он, естественно, разделял его стремление к могуществу и силе. Как гуманист и художник — восставал против побед, оплаченных ценою крови, моральной деградации, угнетения соседних народов. С давлением на свободу творчества, с «охотой за опасными мыслями», с пресловутым законом «об охране общественного спокойствия» он внутренне мириться не мог.

Настроения Огай не выливались в форму открытого и активного протеста. Необходимо его понять: в те годы восхождения в империалистической Японии царил дух национализма. Общественное положение Огай исключало возможность прямой оппозиции, к тому же его гуманизм не имел социальной опоры. Свою раздвоенность и бессилие он болезненно ощущал сам. Именно из этих слагаемых складывалась трагедия Огай, о которой с большим пониманием писал Никано Сигэхару.

Прямая постановка вопросов общественного устройства не свойственна Огай. Но в реальных жизненных ситуациях, изображаемых писателем, преобладали драматические и даже трагические мотивы.

Его лучшие произведения навеяны отечественной историей. Исторические повести разносторонне показывают традиции военно-феодального (самурайского) сословия. Писатель не свободен от известной идеализации морального кодекса самурайства («бусидо»), он отображает силу духа японского воина, его бесстрашие, презрение к смерти. Правда, наряду с этим его повести высветили и антигуманность «бусидо», что представляется в них самым важным, ибо во времена Мори Огай на традициях самурайской морали основывалась националистическая пропаганда, проводимая правящими кругами. Огай же показал, что принципы этой морали осуществлялись ценою бесплодных жертв, больших человеческих потерь.

Вскоре после смерти Огай, в начале 20-х годов XX в., японская литература вошла в период резкой сословной поляризации. Представители левого фронта четко отмежевались от «буржуазных» писателей. Литераторы «пролетарского» направления увидели в Мори Огай «певца самурайства», чему немало способствовало его обращение к историческому материалу. Известную роль сыграло при этом и его собственное высокое положение на иерархической лестнице японского государства. Односторонний подход к Огай надолго задержал истинную оценку большого писателя. Но прошло время, исследователи отказались от прямолинейных суждений об искусстве, оценки давних лет пересмотрены. Временная дистанция выявила значение такого художника, каким был Мори Огай. «Титаническая фигура, автор, заслуживающий преклонения» — так характеризуют его составители «Истории японской литературы нового времени».

Огай показал в своих произведениях бездну человеческого горя, он описал безвыходные ситуации, когда ни в чем не повинные люди обрекались на смерть. У него нет счастливых героев, нет произведений с благополучным концом. Все они оставляют в сердце читателя ощущение глубокой боли.

Некоторые японские критики определяют минорную тональность творчества Огай как стоящую под знаком «инь» — теневого начала в дальневосточной философии (в отличие от «ян» — начала ясного и светлого). Думается, однако, что не столько философские традиции, сколько в первую очередь сама эпоха, в которую жил и творил писатель, не давала оснований для оптимизма. Так или иначе, произведения Огай вобрали в себя жесткие противоречия своего времени. Писатель не делал прямолинейных выводов из того, что видел вокруг себя. Ему чужды дидактические поучения, он не ставил своей целью указывать людям, как им нужно жить. Но, может быть, как раз эта сдержанность выгодно отличала его от многих литераторов-современников и повышала художественную ценность того, что он писал, заставляя читателей самих задуматься над окружающим. Незримая духовная дистанция отделяла его от государства, которому он служил. Писатель шел на компромиссы, надевал маску и жестоко страдал. Раздвоение его собственной жизни на «должностную» и «частную» мучило Огай, ведь

«частным делом» оказывалось его писательство, главный труд его жизни.

На творчество Огай наложила печать и его личная душевная драма. Первое, по всей видимости глубокое, чувство Огай к немецкой девушке Элизе было разбито; возможный брак с иностранкой, да еще с бедной актрисой, не встретил сочувствия ни в семье, ни в служебном окружении Огай. Элиза приехала следом за ним из Германии в Токио, но вскоре ей пришлось возвратиться обратно. Щемящей нотой проходят через все творчество писателя воспоминания об утраченной возлюбленной.

Место Огай в культуре его времени яснее вырисовывается на фоне сопоставления его с современниками. В особенности часто его сравнивают с Нацумэ Сосэки, близким ему по образованию, кругу общения, масштабу таланта. Сосэки тоже одно время состоял на государственной службе — возглавлял кафедру английской литературы в Имперском университете. Но, недовольный порядками в Министерстве просвещения, оставил свое профессорство и целиком посвятил себя литературе. Положение вольного художника, естественно, давало ему большую, нежели у Огай, свободу в мыслях и поступках. Очевидно, именно поэтому эволюция его мировоззрения отчетливее демонстрировала отчуждение мыслящей интеллигенции от целей мэйдзийского государства.

Японская критика высоко оценивает влияние Огай на последующие поколения. «Его произведения, особенно те, что созданы во вторую половину жизни, воспитывали литературную молодежь конца Мэйдзи — начала Тайсё¹, — писал Сато Харуо. — Под его непосредственным воздействием формировались Нагаи Кафу, Сайто Мокити, Кинсита Мокутаро, Акутагава Рюноске и др. Насколько широкий круг людей — творцов литературы и ее поклонников воспринял влияние Мори Огай позже, мы пока еще не вполне представляем. Вероятно, по мере дальнейшего изучения Огай выявится значительно более обширный диапазон его воздействия».

О творчестве Мори Огай японцами написаны сотни книг, начиная от воспоминаний его родственников и учеников и кончая фундаментальными исследованиями университетских ученых. Произведения писателя постоянно переиздаются, комментируются, их экранизируют, ставят на театральной сцене. Многоотомное наследие Огай

(последнее собрание его сочинений, изданное «Иванами Бунко», насчитывает тридцать восемь томов) вошло в золотой фонд японской литературы нового времени.

Главным центром изучения творчества Огай является Токийский университет, и прежде всего кафедра сравнительного литературоведения. Ряд серьезных трудов по интерпретации творчества писателя принадлежит профессору Кобори Кэйитиро. Среди них монографии: «Мори Огай в юности» («Вакаки хи-но Мори Огай», 1969), «Мир Мори Огай» («Мори Огай-но сэкай», 1971), «Введение в западную науку и перспективы Востока. Штудии Мори Огай» («Сэйгаку тодзэн-но мон. Мори Огай кэнкю», 1976). Тщательно изучаются контакты писателя с мировой литературой, в работах Кобори Кэйитиро представлены темы: «Огай и „Фауст“ Гёте»; «Ницше в интерпретации Мори Огай»; «Огай и так называемая философия жизни», «Огай и И. И. Мечников», «Огай и проблемы перевода европейской литературы».

Существуют мемориалы, связанные с именем Мори Огай. На месте его бывшей виллы Кантёро (Токио, район Бункё) функционирует библиотека, которой присвоено имя Огай. Мемориальный кабинет в ней хранит более трех тысяч экспонатов, связанных с памятью об Огай: рукописи, фотографии, прижизненные издания произведений, личные вещи писателя, его завещание, погребальная маска. Представлены письма к нему известных литераторов той эпохи: Ёсано Тэкан, Ито Сатио, Такамура Котаро, Кода Рохан, Сайто Рёкуу и др. В Токио же, на улице Муэндзака (район Хонго), установлена памятная табличка, отмечающая место действия одного из наиболее популярных романов Огай «Дикий гусь» («Ган», 1911). На родине писателя в г. Цувано (префектура Симанэ) сохраняется дом предков Мори Огай.

Музей мэйдзийской архитектуры под открытым небом (префектура Гифу, Мэйдзи-мура) хранит перенесенный сюда из Токио одноэтажный домик под черепичной крышей. По воле случая в этом доме жили два наиболее значительных писателя новой Японии — Огай и Сосэки. Огай квартировал в нем в 1890—1892 гг. — в период издания журнала «Сигарами соси». Сосэки снимал этот дом позже, в 1903—1905 гг., здесь был написан его сатирический роман «Ваш покорный слуга кот», за что строение получило шуточное название «кошкин дом».

Реликвии, связанные с памятью Огай, сохраняются в семьях детей и внуков писателя. Автору настоящей работы довелось встретиться с его дочерью Анной² в ее токийском доме. В апреле 1977 г. шестидесятирехлетняя Анна-сан увлеченно рассказывала об отце, о своей работе над мемуарами, посвященными его памяти.

* * *

Постижение многогранного творчества Огай не является легким и для японских интерпретаторов, в чем многие из них признаются. Перед европейским исследователем встают дополнительные трудности. Помимо японских и европейских истоков творчества писателя пронизывает китайская традиция. Быть может, этим следует объяснить тот факт, что за пределами Японии к его изучению приступили сравнительно недавно. Пока единственная, по-видимому, на Западе монография принадлежит американскому ученому Д. Томасу Раймеру (J. Thomas Rimer. Mori Ogai, Boston, 1975). В течение семи лет ее автор работал в Японии, был директором Американского культурного центра в г. Кобэ. Монография Т. Раймера содержит в основном биографические сведения, творчество Огай характеризуется бегло. Справедлива оценка Огай как классика новой японской литературы и как мыслителя, интересного и для сегодняшнего читателя. Большую ценность представляет приводимый список произведений Огай, переведенных на английский язык, — до 1975 г. включительно. Спорно сопоставление Огай с филиппинцем Хосе Рисалем (1861—1896). Рисаль в те же, что и Огай, годы изучал медицину в Европе (в Мадриде), а вернувшись на родину, писал книги. Но этим возмозможность сопоставления, по-видимому, ограничивается. Совпадают лишь факты биографий, идейная направленность творчества не сравнима³.

Несколько английских переводов Огай и комментариев к ним опубликованы в журнале «Monumenta Niponica» — ежеквартальном издании христианского университета св. Софии (Токио). Так, статья Элен М. Хоппер «Реакция Мори Огай на угнетение интеллектуальных свобод, 1909—1912 гг.» (1974, № 4) раскрывает противоречивое отношение Огай к репрессиям против социалистического движения («дело Котокую»).

Отдельными изданиями выпущены на английском языке: роман «Дикий гусь» (перевод Стэнфорда Голдстайна и Отиаи Конго) и повесть «Vita sexualis» (перевод С. Голдстайна и Ниномия Кацудзи).

Советскому читателю Мори Огай практически не знаком, если не считать того, что двадцать лет назад переведился рассказ «Однажды в лодке» («Такасэбунэ» — «Восточный альманах». Вып. 4, 1961). Любопытен еще один факт перевода Огай на русский язык, осуществленный японцем Хасэгава Фтабатэй (1864—1909). Фтабатэй, известный русист, знаток Гончарова, Тургенева, Толстого, сотрудничал в журнале «Восток», который издавался в Йокогаме (1908—1909). «Восток» (1908, № 1) опубликовал начало дебютной повести Мори Огай «Танцовщица», («Манхимэ», 1890) — под заглавием «Моя танцовщица. Из жизни д-ра Мори»⁴.

Ныне мы обязаны отдать должное писателю Мори Огай, который пользуется у себя на родине огромным авторитетом. Не имея нужды идеализировать его воззрения, мы должны признать значительность содержания и художественную ценность его творчества. Эта книга — только начало, Мори Огай еще предстоит изучать в будущем.

СОДЕРЖАНИЕ

Масштаб дарования, оценки японской и зарубежной критики. Япония середины прошлого века. Детство Огай, Переезд в столицу. Школа Ниси Аманэ, Медицинский колледж, Имперский университет	7
Европейские университеты. Научная трезвость и опьянение искусством	14
Журнал «Сигарами соси». Диспут с Цубоути Сёё. «Танцовщица». «Пузыри на воде», «Курьер». Драматургические эксперименты	26
Культурная атмосфера двух первых десятилетий века. Журнал «Субару». Мори Огай в кругу неоромантиков	36
Исторические повести. «Посмертное письмо Окицу Ягэмон». «Семья Абэ», «Случай в Сакаи», «Месть в Годзингахара», «Лодка на реке Такасэ»	57
Мори Огай и Нацумэ Сосэки — черты сходства и различия. Огай и Мечников. Философский этюд «Блуждания»	84
На закате дней. Работа в имперских музеях. «Сибуэ Тюсай» и другие биографии эдоских ученых. Завещание	109
Традиция и новаторство стиля Огай	123
Приложение	128
Мори Огай. Блуждания	138
Семья Абэ	153
Чаша	187
Месть в Годзингахара	189
Случай в Сакаи	209
Примечания	230
Библиография	243

Галина Дмитриевна Иванова

МОРИ ОГАЙ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*Редактор Н. Я. Северина
Младший редактор М. С. Грикурова
Художник Н. П. Ларский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14282

Сдано в набор 31.07.81. Подписано к печати 22.01.82. А-04012. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,02. Усл. кр.-отг. 13,33. Уч.-изд. л. 13,52. Тираж 5000 экз. Изд. № 5064. Зак. № 411. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28